

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ЛИТВА

Вильнюс

3 ИЮН 1975

КТО из нас, бывших учеников Николая Андреевича, может когда-нибудь забыть то счастливое время жизни, когда им руководил великий учитель. Я колебался, быть мне певцом (недурный баритон) или композитором (тяга к творчеству). Приехал в Петербург в 1902 году, был принят в класс пения к профессору С. И. Габелью. Спускаясь после экзамена по лестнице вниз, вдруг решил показать свои «опусы» Николаю Андреевичу. Смелая, почти дерзкая мысль эта так захватила меня, что, недолго думая (благо, при мне были мои «опусы»), очутился я у двери класса Николая Андреевича. Остановился. Перевел дыхание и предстал перед грозным, как мне тогда казалось, вершителем моей судьбы. Глазунов, Лядов, которых я знал только по фото, дополняли волнующий меня триумвират.

Я пел, играл свои «опусы», горячясь. Меня глубоко поразили то внимание и даже заинтересованность, с которыми экзаменаторы слушали мои скромные, робкие творческие попытки. И... о, радость! Принят в класс композиции Николая Андреевича.

Первый курс (спецгармонию) вел А. К. Лядов, серьезный, малообщительный. Строгий профессор был очень требователен к нам. Леность, небрежность казнил беспощадно. Мелкие, задаваемые нам изредка музыкальные формы, написанные с любительским налетом, нередко сопровождали словами: «Точно приготовили для «Невелиста»».

Изредка приходил на уроки Николай Андреевич, прислушиваясь к работам учеников. Небольшой класс в одно окно на втором этаже консерватории, старого типа рояль, стол и несколько стульев — скромная обстановка класса, который теперь стал «музеем» и полностью бережно и свято хранит память о великом композиторе.

Преданный нам всей душой, неутомимый, всегда корректный, терпеливый Николай Андреевич умел к каждому из нас подойти с отеческой заботливостью. Считаясь с индивидуальными задатками и особенностями каждого ученика, не принуждал, не навязывал того направления творчества, которое было нам не сродни. Только формалистические уклоны

ученика вызывали строгое неодобрение учителя. Как педагогически совершенные образцы музформы и стиля профессор рекомендовал нам русскую и западную классику. У Римского-Корсакова долгой педагогической практикой был выработан свой собственный способ преподавания: больше практики, меньше теоретической «суши».

Николай Андреевич ценил и

ховки почек Римского-Корсакова был всегда ясен в оригиналах его рукописных писем и разборчив, так и остроумные афоризмы, интересные сопоставления и параллели, приводимые находчивым профессором, при прослушивании работ убеждали ученика в безусловной правоте всех замечаний и поправок Николая Андреевича, с которыми нельзя уже было не

возвращаясь в Петербург с проработанным вместе с У. Ф. Тюменевым либретто, я успел написать под руководством Николая Андреевича и первый акт этой оперы...

Помню и такой эпизод. Меня пригласили дирижировать симфоническим концертом в Вильнюс. Когда я сказал об этом Николаю Андреевичу, он убедил меня не отказываться и дал ряд ценных советов. Так началась моя довольно долгая карьера симфонического дирижера, и благословил меня все тот же «добрый гений».

А как было радостно сидеть в Маринском театре в ложе рядом с Николаем Андреевичем на репетиции оперы «Золотой петушок», глядя в развернутую партитуру, и слушать интересные замечания автора...

Неоценимы «реликви-подарки» Римского-Корсакова, которых я удостоился: клавир «Золотого петушка» с дарственной надписью и корректура партитуры «Китежа» с собственноручными исправлениями Николая Андреевича.

При окончании в 1908 году консерватории я пишу дипломную работу вместо обычной канцаты — трехактную оперу «Цыган» на свое либретто по мотивам А. Пушкина. Оба профессора Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов внимательно следят за моей работой.

Опера одобрена художественным советом и принята к постановке. Под неустанным наблюдением Николая Андреевича я заканчиваю оркестровку. Заботливый профессор является на репетиции моих «Цыган» и внимательно следит за работой. Однажды, прощаясь, он сказал: «Знаете, о чем я буду думать, возвращаясь отсюда домой? Как лучше перинструментовать некоторые места в увертюре вашей оперы».

8 мая 1908 года — первый спектакль. Опера пользуется успехом. Автора и его профессора публика требует на сцену. Я — лауреат Петербургской консерватории... А через месяц я был потрясен известием о смерти Николая Андреевича, оставившего светлую, незабываемую страницу в моей музыкальной жизни.

Публикацию подготовила
О. КЯУШАЙТЕ,
старший научный сотрудник
Государственного архива
литературы и искусства
Литовской ССР.

* Музыкальный журнал того времени.

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

4 июня исполняется 100 лет со дня рождения композитора, народного артиста Литовской ССР Константинаса Галкаускаса. Общественная и творческая деятельность его непосредственно связана с Вильнюсом. Очень важный этап в творческом развитии композитора — учеба в Петербургской консерватории, в классе Н. Римского-Корсакова. В Государственном архиве литературы и искусства Литовской ССР хранятся воспоминания К. Галкаускаса о Н. Римском-Корсакове. С некоторыми сокращениями публикую их сегодня.

оберегал в каждом особенности его натуры. И будь то легкий жанр, пробивающий себе дорогу в творчестве ученика, он не встречал высокомерия, как бы снисходительности профессора, если произведение свидетельствовало о его творческих возможностях.

Один за другим на уроке прослушивались симфонические отрывки: у кого квартет, у кого романс, фортепианная пьеса и т. п. Если что-нибудь нравилось, Николай Андреевич, слушая, насыщивал в унисон, теребя свою бороду. Глаза излучали тепло. Никогда не забуду, как однажды, прослушав мою работу, Николай Андреевич сказал: «А ведь стилек-то не удался. На вашем столе красуются, чередуясь в беспорядке, вот! изысканные блюда, а рядом — самые примитивные снеди: горох с капустой, никак не вяжущиеся со своими седями».

Глаза профессора, устремленные на озадаченного, краснеющего ученика все-таки смотрят ласково. Когда в следующий раз я исправил свое неудачное «меню», Николай Андреевич, разглаживая бородку, похвалил меня: «Вот это так. И всегда так!».

Как типично заостренный, удлиненный, тончайшей штри-

согласиться. Николай Андреевич не был «пианистом». Но когда случалось ему продемонстрировать на фортепиано какой-нибудь понадобившийся своей или чужой образец, или повторить в новой редакции эпизод работы ученика — всегда так непринужденно, просто, но содержательно, — длинные тонкие пальцы профессора, ложась на клавиши, как бы лаская их, волновали нас, учеников, своей правдой и чистотой.

Учитель со всеми держался одинаково, никого не выделяя и никого не обделяя. «Ни элин, ни иудей» — все были равны. Только лень и нерадение были недругами профессора. Вспышек гнева у Николая Андреевича не помню. Он очень ценил работоспособность. Я за время учебы не пропустил ни одного урока и никогда не приходил к Римскому-Корсакову «с пустыми руками».

Это меня сблизило с профессором, и однажды он принес в класс написанное У. Ф. Тюменевым (либреттистом «Пана Воеводы» и «Царской невесты») для Римского-Корсакова новое оперное либретто «Мизерере» и отдал его мне. Композитор направил меня к автору либретто в его имение, где я пробыл целую неделю.